

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Кауфман Игорь Самуилович

**ПОРЯДОК БЫТИЯ И МЫШЛЕНИЯ
В СИСТЕМЕ СПИНОЗЫ**

Специальность 09.00.03 – история философии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Санкт-Петербург

2000

Работа выполнена на кафедре истории философии
философского факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель.

доктор философских наук,
профессор Сергеев К. А.

Официальные оппоненты:

доктор философских наук,
профессор Солонин Ю. Н.,
кандидат философских наук,
доцент Масленников Д. В.

Ведущая организация:

Санкт-Петербургская госу-
дарственная педиатрическая
медицинская академия

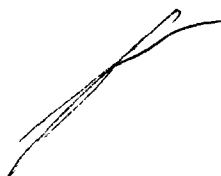
Защита состоится « 17 » февраля 2000 в 16⁰⁰ часов на заседании
Диссертационного Совета К 063.57.18 по защите диссертаций на соиска-
ние ученой степени кандидата философских наук в Санкт-Петербургском
государственном университете по адресу:

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, ауд. 167

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. А. М.
Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан « 12 » января 2000 г.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета
к. ф. н., доцент

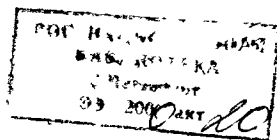

И. А. Тульпе

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Судьба философских идей Спинозы оказалась сложной и противоречивой. Дискуссии относительно его учения начинаются уже при его жизни, и впоследствии не прекращались вплоть до нашего времени. В этих дискуссиях Спиноза оказывается либо последовательным атеистом и материалистом, либо сугубо мистическим мыслителем. В трудах Ренана, Брюнсвика, Гебхардта, Хессинга и других, учение Спинозы истолковывается в духе идей «новой религии», свободной от ограниченности церковных вероучений.

После эпохи Возрождения принцип деятельности оказывается основным в новоевропейском мышлении. Этот принцип выдвигает на первый план представление об автономном субъекте деятельности, суверенном в своих актах мышления и суждения. Такого рода субъект мышления основывает свое поведение на независимых актах, имеющих своим источником лишь его самого. Никакие предвзятые основания, никакие внешние авторитеты в сфере мышления, суждения и поведения не допускаются. Все происходит из обосновывающей саму себя деятельности субъекта. Коль скоро таким субъектом оказывается человеческое существо, обретающее характер самодостаточности, то в силу этого обстоятельства в составе его суждений о Боге, мире и человеке не может быть ничего такого, что не вытекало бы из его собственной деятельности; т. е. ни внешний авторитет, ни традиции, ни само божественное откровение не могут быть мерой и условием для автономной человеческой деятельности. Такого рода деятельность начинается с выполнения независимого акта мышления, т. е. *Ego cogito* Декарта. Все то, что Я как независимый субъект говорю о Боге, мире и человеке, — все это должно проходить через мое автономное общение со всем сущим. При этом допускается, что ни в бытии Бога, ни в мире как таковом, ни в любом сущем вообще нет никакой чужеродной инстанции по отношению к моей деятельности как мыслящего субъекта. Я как мыслящее существо могу все познавать и тем самым всем овладевать. Вот почему Спиноза говорил, что познавать истинное — значит осознавать причины и основания всего того, что мы постигаем. Высказывания обо всем сущем идут вместе с теми основаниями, которые осознаются и устанавливаются самим субъектом, а не даруются ему извне или свыше. Мы знаем истинно только то, что мы можем ясно осознавать и

воспроизводить в своей собственной деятельности. И это есть основное правило новоевропейской рациональности, которая опиралась на допущение разумного устройства мира и предполагала наличие предустановленной гармонии всего сущего в мироздании. В этой связи важно выяснить почему свою метафизику Спиноза называет «Этикой». Говоря о мышлении как деятельности, Декарт не учитывает фактор человеческого поведения. Он много говорит о страстях души, но не говорит о том, как эти страсти можно было бы подчинить этическому началу. В его философии отсутствует этическая субстанция, которая была утрачена уже в период Возрождения. Как раз такого рода субстанцию и пытался восстановить Спиноза в своей философской системе.

Здесь важно еще раз подчеркнуть следующий «момент истины» в философии Спинозы, которому до сих пор уделяется недостаточное внимание. Обращаясь к античности, Ренессанс возводит на первый план эстетику существования. Этика и моральное поведение имеют гораздо меньшее значение в сравнении с «техникой» жизни и искусства. Техника живописи, ваяния и архитектуры не требует этической рефлексии. В этической субстанции не нуждались ни Леонардо де Винчи, ни Мекеланджело, ни Б. Челлини, ни Л. Ариосто. Тем не менее, Ренессанс нуждался в моральном миропорядке. Моральное обозначало благостное и цветущее, то есть совершенное и здоровое. Вот почему ренессансная магия, и прежде всего алхимия, пытались найти такой «философский камень» или универсальный «медикамент», с помощью которого больной и греховный универсум можно было бы полностью и окончательно исцелить. Появляются разного рода утопии призванные врачевать общество от всевозможных недугов. Утопия, в своей сути, есть форма «социальной алхимии». В период Возрождения формировалась уверенность в том, что всяческий индивидуум как таковой, причем независимо от любых внешних инстанций, может собственными силами осуществлять свое назначение и спасение, утверждая себя мерой всего сущего. Если истина познания предполагает независимость от чего бы то ни было, то это познание все же не требовало самопожертвования, то есть подлинной отдачи себя делу истины. Отсюда одиночество Декарта и Спинозы. Однако, согласно Декарту, достоверность требует не столько морального совершенствования, сколько ясности ума, то есть ясного и отчетливого восприятия. Познавать истину при таком ее критерии можно вне всякой морали. В картезианском рационализме субъект познания конституируется вне этической субстанции. Декарт

освобождает научную рациональность от всякого этического измерения. Уже в своем трактате «Государь» Макиавелли формулирует ясные и четкие правила для руководства политического разума. В своих правилах утверждения власти в рамках политико-экономической реальности Макиавелли не придерживается никаких морально-религиозных принципов. «Правила для руководства ума» Декарта призваны были обеспечить человеку власть над всем природным порядком вещей. Стилистика рассуждений Макиавелли и Декарта по сути дела одна и та же. Макиавелли говорит о власти в сфере человеческих отношений. Декарт пишет о том, как с помощью надлежащего метода человек может обрести власть над всем природно-сущим. Имея в своих руках *mathesis universalis* Декарт готов заново конструировать природный порядок вещей, редуцированный к протяженности. В такого рода мире все этическое полностью устраняется. Вот в каком контексте Б. Спиноза создавал свой трактат «Этика». Он стремился выяснить новое этическое отношение человека к миру, который становился математически исчисляемым и механически конструируемым. Всем вышесказанным и определяется актуальность философии Спинозы. Понять субстанциальность природы и причастность к ней человеческой и человеческого поведения — такова основная задача данного диссертационного исследования.

Степень разработанности темы. Первые попытки интерпретации философии Спинозы имели место еще при его жизни. В конце XVII — начале XVIII вв. И. Колерус, П. Бейль и др. истолковывали его философию как атеизм и отчасти как материализм. Такое восприятие получило широкое распространение в философии французского Просвещения. Основные идеи философии Спинозы Кондильяк квалифицировал как лишённые всякого основания в опыте. Интерес к наследию Спинозы обостряется во второй половине XVIII в. Лессинг причислял Спинозу к идеологии просвещенного деизма. Спор Мендельсона и Якоби в котором приняли участие Гердер и Гете, по поводу того, является ли Спиноза деистом или пантеистом, — этот спор инициировал дальнейшее изучение философии Спинозы Гегелем и Шеллингом. На первый план выдвигается сущность пантеизма и возможность построения философии как системы абсолютного знания возникают историографические работы по изучению всего философского и эпистолярного наследия Спинозы. Общее признание получили работы К. Зигварта, К. М. В. Шааршмидта, Э. Бёмера, К. И. Герхардта. Во второй половине XIX в. наметились два направления в изучении филосо-

фии Спинозы: гегельянское (И. Э. Эрдманн и К. Фишер), натурфилософское и логическое (Р. Авенариус, К. Томас, А. Тренделенбург). Историко-философские исследования наследия Спинозы в конце XIX и в первой половине XX вв отмечены именами И Фрейденшталя, М. Иоэля, И. Миссеса, Л. Стросса, Г. А. Волфсона, К. Гебхардта, Л. Рофа, Ю. Гутманна, А. Волфа и др. Теоретико-познавательные идеи Спинозы в связи с их влиянием на современные научные концепции представлены в работах В. Клевера, Л. С. Райса, Г. Г. Хьюббеллинга, Дж. Паркинсона, Э. М. Керли, Ж. Делеза, В. Хесле, Г. Флостада, Э. Джилеада и др.

В отечественной литературе учение Спинозы определялось традиционно как последовательный атеизм (А. И. Введенский), или пангеизм (В. С. Соловьев) Изучались связи философии Спинозы с еврейской философией и мистикой (М. И. Базилевский, С. Р. Ковнер). Гегелевская интерпретация преобладала в начале XX в. в работах В. С. Шилкарского, А. Кирилловича, В. А. Беляева. Изучение терминологии, логики, теории познания и методологии философии Спинозы было представлено в работах и переводах В. Н. Половцовой (перевод *Трактата об усовершенствовании интеллекта*), С. Ф. Кечесьяна. Оригинальные интерпретации философской мысли Спинозы получили свое выражение в трудах Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка и Л. И. Шестова.

В советский период философия Спинозы исследовалась с позиции материалистической диалектики (В. Ф. Асмус, Н. Кибовский, В. К. Брушлинский, В. Э. Быховский, Г. И. Челпанов, И. А. Копиков, В. В. Соколов и др.) и атеизма (А. В. Луначарский, М. С. Бельский, Е. В. Чернов). Особое значение имели исследования, соединявшие материалистическую теорию познания и психологию, представленные в трудах А. О. Маковельского, Л. С. Выготского, Э. В. Ильенкова, в которых большое внимание уделялось психофизической теории Спинозы. Значение социально-политического фона для формирования учения Спинозы о разуме и познании последовательно раскрывается в работах Н. В. Мотрошиловой.

Следует отметить работы С. Б. Долгопольского, А. Д. Майданского, В. Н. Катасонова, Д. В. Никулина, М. А. Гарнцева, в которых исследуется язык и терминология Спинозы, исторический, научный и духовно-культурный контекст, обращается внимание на логические и герменевтические подходы к наследию Спинозы.

Диссертант учитывает достижения исследователей новоевропейской философской, научной и мировоззренческой мысли представленные

в трудах следующих авторов: А. В. Ахутина, В. С. Библера, М. Ф. Быковой, В. П. Гайденко, П. П. Гайденко, А. Л. Доброхотова, М. А. Кисселя, Л. М. Косаревой, М. К. Мамардашвили, А. В. Михайлова, В. И. Молчанова, И. С. Нарского, А. П. Огурцова, Ю. В. Перова, Н. С. Плотникова, А. Г. Погоняйло, К. А. Свасьяна, К. А. Сергеева, Я. А. Слина, Э. Ю. Соловьева, Ю. Н. Солонина, А. Л. Субботина, С. А. Чернова, В. С. Черняка и др.

Цели и основные задачи исследования. Общая цель исследования заключается в том, чтобы раскрыть основные понятия пантеистической системы Спинозы, в которых разворачиваются и уточняются такие основные понятия как субстанция, ее атрибуты, модусы и в соответствии с этими понятиями выясняется сущность мышления и истинного познания. Эта цель исследования предполагает решение следующих основных задач:

- раскрытие сущности пантеизма как основы метафизической системы Спинозы;
- выяснение метода и сущности науки как *mathesis universalis* в философии Спинозы;
- экспликация понятия субстанции и ее основных атрибутов;
- анализируется сущность мышления и воли в системе Спинозы;
- рассматривается отношение идеи и вещи; дается краткая характеристика познания и активности интеллекта;

Методология и источники исследования. Методологической основой исследования является принцип преемственности идей, соотношение логического и исторического в историко-философском процессе. Использовалась методика контекстуального и герменевтического анализа, получившая свою разработку в трудах С. С. Аверинцева, А. В. Михайлова, Г.—Г. Гадамера, М. Хайдеггера. Использовался опыт исследований новоевропейской философии в отечественной и зарубежной философской литературе. Источниками служили научные издания текстов философского наследия Спинозы и критические комментарии к ним, как на русском, так и на других языках.

Новизна работы. Суть научной новизны исследования заключается в обосновании того положения, что пантеизм есть внутренняя тенденция всей новоевропейской философии, которая завершается системами Шеллинга и Гегеля. Подчеркивается, что метафизика как система возможна только на пантеистической основе. Само понимание бытия как субстанции предполагает определенный порядок мира и соответствующего

ему мышления Отсюда основные положения, и выносимые автором на защиту:

— философия Спинозы, имеющая пантеистическую основу, является по сути дела первой метафизической системой в новоевропейской философии;

— понятие бытия как субстанции предполагает наличие строго определенного порядка во всем сущем и познаваемом;

— строгая упорядоченность мира определяет концептуальный строй и метод экспликации основных понятий, образующих систему Спинозы;

— субстанция в ее единстве и бесконечности имеет ярко выраженный каузальный характер;

— мышление как атрибут субстанции есть экспликация порядка идей и вещей;

— причастность мышления к субстанциальному единству мира характеризует «этическую субстанцию», определяющую назначение и достоинство человека.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы диссертации, разработанные в ней методологические подходы и полученные результаты позволяют дополнить понимание философии Спинозы и специфики всего новоевропейского мышления. Содержание диссертационного мышления может быть использовано при чтении лекционных курсов по истории философии и науки Нового времени, по истории этики и политологии, а также в религиоведении. Материалы работы могут быть использованы в спецкурсах по историко-философским, историко-этическим разделам, включая лекции и семинары по истории религии и по сравнительному анализу метафизических систем.

Апробация работы. Материалы диссертации использовались автором в лекциях и семинарах по курсу «Философия» Балтийского туристического колледжа, а также на отдельных семинарах по истории философии для студентов III курса философского факультета. Диссертация обсуждалась на кафедре истории философии философского факультета. Основные ее идеи излагались на Первом Российском философском конгрессе (Санкт-Петербург, июнь 1997 г.), на симпозиуме «Язык – Герменевтика – Понимание» (Санкт-Петербург, июнь 1997 г.), на семинаре «Лаборатория метафизических исследований» (декабрь 1996) и представлены в четырех публикациях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения и списка источников и литературы по данной тематике на русском и других языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, рассматривается состояние разработанности этой темы, определяются основные задачи исследования, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируется общий замысел исследования в целом.

В **первой главе** — «Основные понятия системы Спинозы» — выясняется сущность пантеизма как системы, определяется понятие бытия как субстанции, раскрывается единство субстанции и ее бесконечность, которая выражается в бесконечности атрибутов.

В **первом параграфе** — «Пантеизм как система» — подчеркивается, что в XVII столетии эпистема в своих существенных характеристиках радикально изменяется. Устраняются магические воззрения и понимание природы вступает в новый научный порядок. На основе познания тождеств и различий важную роль начинает играть метод анализа и сравнения, связанный с точным измерением. Суть деятельности ума теперь заключается уже не в том, чтобы сближать вещи в поиске их сродственности и взаимного притяжения, а скорее в том, чтобы различать и сравнивать. Сначала устанавливаются тождества, чтобы затем в силу многих степеней удаления от них, осуществлять последовательное различение. На основе постулируемого тождества происходит потом установления различия. Отсюда проистекает фундаментальное различие между субстанцией мыслящей и субстанцией протяженной, получившее свое обоснование в философии Декарта. Посредством интуиции мы получаем отчетливое представление о вещах; это означает познавать и строго различать. История и наука в горизонте этой эпистемы оказываются отделенными друг от друга. С одной стороны, знание авторов и традиция; с другой — система достоверных суждений. Эта разделенность и составляет наследие Спинозы. Мир уже не есть текст, который образует состав истины. Истина находит теперь свое выражение в ясном и отчетливом восприятии. Возникает разнообразное по своим формам стремление к математизации всего познаваемого. Вот почему новая наука в своей наиболее общей форме есть

mathesis universalis. Это есть универсальная наука меры и порядка. Даже при наличии разного рода несоответствия между разного рода вещами, проблему меры всегда можно свести к проблемам порядка. Всюду раскрывается более или менее строго упорядоченная последовательность. Анализ тем самым приобретает характер универсального метода познания. Вокруг возможности построения универсального метода познания вращается новоевропейское классическое мышление. Формулируется наука о порядке в сфере бытия и мышления, в сфере слов и вещей, влечений, потребностей и эмоций. Наука об универсальном порядке выдвигает на первый план учение о методе. Отношение к порядку было в той же мере существенно для новоевропейской метафизики и науки, в какой истолкование было характерно для ренессансного мышления. Еще в столетии истолкование стремилось к постижению подобия, имея характер магической герменевтики. В следующем столетии все упорядочивается посредством знаков и понятий на основе установления тождеств и различий. Возникают разного рода проекты универсальной системы мира и знания, проекты построения универсального языка и всеобъемлющего исчисления. Именно такого рода проекты определили в формальном плане мысль Декарта и Гоббса, Спинозы и Лейбница. Редуцируя весь природный порядок к протяженности, Декарт затем предлагает проект построения мира по сути дела из ничего. Спиноза начинает не с протяженности, и не с мышления, а с бытия, которое понимается как субстанция, заключающая в себе строго определенный порядок связи вещей и идей. Матэзис, в строгом смысле его понимания, есть наука о равенствах, в которую входят определения и суждения; и это есть наука об истине. Матэзис функционирует как онтология, имеющая своим проектом исчерпывающее упорядочивание мира. Если метафизика пытается узнать, достаточно ли природа упорядочена, чтобы доказать бытие Бога, то это имело место потому, что мысль, устраняя неопределенную сферу знаков как знамений, открывает такую новую эпистему, которая конституировалась исчислением форм порядка и анализом каких угодно представлений. Ясно, что период Нового времени, впрочем как и любой другой, не мог строго определить общую систему своего знания. Однако эта система присутствовала, и она скрыто или явно выражала внутреннее единство знания. В своем метафизическом измерении это внутреннее имело в своей основе пантеизм как систему. Здесь отмечается, что в основе новоевропейской философии, которая изначально стремится быть представляемой в виде строго обоснованной системы лежит принцип

свободы. Если философия стремится быть системой, то будучи метафизической, в отличие от специальных научных дисциплин, она как система возможна только на пантеистической основе. Вне этой основы, которая впервые была продемонстрирована в философии Спинозы, на первый план выступает явная несовместимость системы и свободы. В этой связи философия Спинозы сопоставляется с практической философией Канта. Необходимость и свобода — именно так после Спинозы формулируется новая проблематика о сущности человеческой свободы. Мыслить субстанциально, согласно Спинозе, означает мыслить с точки зрения вечности, мыслить обоснование вещей в их целокупности. Об этом и свидетельствует пантеизм, присущий философии Спинозы. Обсуждение вопроса о пантеизме вовлекает мысль в сферу вопроса о сущности основания всех вещей. С другой стороны вопрос об основании всех вещей, коль скоро это есть вопрос о единой и единственной субстанции, оказывается уже не столько онтологическим, сколько теологическим. Если онтология рассматривает вопрос об истине и основании сущего, то теология выдвигает на первый план вопрос о бытии самого основания. Поскольку Бог есть основание всех конечных вещей, постольку вопрос об основании всех вещей в их целокупности есть вопрос не столько философии, сколько теологии. Однако основной вопрос новоевропейского мышления заключался прежде всего в том, что вместо теологии, которая была высшей наукой в рамках средневековой *scientia*, ведущую роль могла бы играть философия, коль скоро только она выражает стремление к свободному познанию истины. С другой стороны философия, которая призвана выяснять сущность всех вещей, с другой стороны вопрос об основании всего сущего в целом. Тем самым новоевропейская философия оказывается, скрыто или явно, онто-теологией, каковой является «Этика» Спинозы, «Монадология» Лейбница, философия тождества Шеллинга и «Наука логики» Гегеля. Вот почему в диссертации выясняется историческая интерпретация пантеизма и исследуется сущность пантеизма Спинозы как возможной метафизической системы. Разъясняется вопрос о том, почему свою метафизическую систему Спиноза называет «Этикой». Далее, пантеистическая мысль Спинозы сопоставляется с идеями Николая Кузанского и Джордано Бруно, затем раскрывается сущность математического мышления, которое определяет метод построения метафизической системы Спинозы.

Во втором параграфе — «Определение субстанции» — рассматриваются все возможные характеристики субстанции, имевшие место в

средневековой мысли и затем в ранних трактатах Спинозы. Отмечается, что уже у Аристотеля возникает возможность истолкования бытия как субстанции. Субстанция и есть собственно подлинное сущее во всем реально существующем. Вовсе не случайным является то обстоятельство, что проблема бытия в римский период античности приобрела характер субстанции. Когда греческое слово *υποκειμενον* в латинском языке обозначается словом *sub-stantia*, то тем самым фиксируется постоянство вещей при любых их изменениях. Понимание бытия как субстанции, как постоянного присутствия чего бы то ни было, не только удерживалось в мысли с периода античной философии, но и вплоть до Канта это понимание определяло основную проблематику всей новоевропейской метафизики. И наиболее четкое выражение оно получает в философии Декарта, Спинозы и Лейбница. Вот почему здесь специальное внимание уделяется понятию субстанции, которое раскрывается как основание и как необходимая причинная связь всего сущего. Все это детально рассматривается в основных определениях субстанции, с которых Спиноза начинает построение своей метафизики.

В третьем параграфе — «Единство субстанции» — отмечается, что в онтологии Спинозы атрибуты субстанции не сводимы к родам и видам, как это имело место в традиционной метафизике. Атрибуты, являясь формально различными, оказываются онтологически едиными и равными. Они не разделяют субстанцию, которая раскрывается в различении атрибутов. В диссертации подчеркивается, что это есть формальное, а не числовое различие. Модусы также не сводимы к видам, так как они распределяются в атрибутах в соответствии с принципом индивидуации, которому впоследствии Лейбниц придавал фундаментальное значение. Модусы суть интенсивно воздействующие силы, соотносящиеся непосредственно с единством субстанции. Другими словами, единство субстанции обладает всеми способами бытия и всеми индивидуальными различиями. Субстанция едина, но двойственно и многообразно ее выражение. Субстанция есть как бы единое «сказывание» бытия за все реально существующее. Согласно Спинозе нет никакой субстанции, кроме природы или Бога, и все существует только в Боге. Вне Бога ничто не может ни существовать, ни быть представляемым. Существует как бы необъятный океан единой и абсолютной субстанции, а все многообразие вещей есть лишь состояния или порождения такой субстанции. Все это подробно анализируется и текстуально обосновывается в данном исследовании.

В четвертом параграфе — «Бесконечность субстанции и бесконечность атрибутов» — подробно рассматривается соотношение конечного и бесконечного в философии Спинозы. Отмечается, что бесконечное в традиционной метафизике было негативным понятием; это есть отсутствие любых границ для понимания абсолютной полноты божественного присутствия. Такое негативное понимание идет от Августина и соотносится с конечным человеческим разумом, который способен постигать определенное или уже оформленное. Негативное понимание бесконечности присуще всей греческой философии. Об этом говорит греческое слово *απειρον*. Аристотель обосновал такое понимание бесконечного, доказывая, что «быть» — это всегда быть определенным и оформленным. Другими словами, бытие и бесконечность оказывались между собой несовместимыми. Августин по сути дела радикально преобразует греческую мысль, утверждая, что абсолютное совершенство и абсолютная полнота божественного не знает никаких границ. Тем не менее он сохраняет негативное понимание божественного, поскольку конечный человеческий разум не способен постигать все совершенство божественного бытия.

Николай Кузанский считал понятие бытия одним из самых фундаментальных. Но столь же значимым он считал понятие единства и бесконечности. Бытие, единство и бесконечность в его учении есть взаимозаменяемые понятия. Бог есть не только бесконечное бытие, но и бесконечное единство. Важно было строго определить содержание понятия бесконечного, чтобы приблизиться к положительному пониманию божественного бытия. Бесконечное есть *coincidentia oppositorum*: совпадение в абсолютном единстве всех различий и противоположностей. Такое понимание бесконечности было принято Декартом, Спинозой и Лейбницем. В своих «Началах» Декарт писал, что Бог есть подлинная природа всего того, что мы познаем; и Бог, как творец всего сущего, есть бесконечная субстанция, тогда как мы, люди, всецело конечные существа. Субстанция Спинозы едина и бесконечна скорее в смысле Николая Кузанского, чем Декарта. Пантеистическая формула Спинозы, что Бог есть все, выдвигает на первый план проблему соотношения бесконечного и конечного. Поскольку Бог есть все, а человек есть существо, причастное ко всему сущему, то в силу этого обстоятельства человек причастен к бесконечной полноте бытия. В пантеизме бытие и разум, постигающий истину, оказываются тождественными. Тождество, как совместность всего различного и индивидуального лежит в основе понимания бытия как бесконечной и единой суб-

станции. И в этом плане совершенно справедливым является утверждение Л. Шестова, что Спиноза — духовный отец Шеллинга и Гегеля.

Во второй главе — «Мышление как атрибут субстанции» — раскрывается каузальная сущность субстанции, которая определяет познание модусов; выясняется понимание идей как модусов мышления, и в этой связи рассматривается сущность интеллекта и познание истины.

В первом параграфе — «Каузальная сущность субстанции» — отмечается, что субстанция есть не только производящая причина существования вещей, но и их сущности. Субстанция есть причина самой себя (*causa sui*). Рациональная упорядоченность мира означает, что действия вытекают из причины с такой же необходимостью, с какой «из сущности треугольника вытекает равенство углов двум прямым». Идея естественного порядка который определяется субстанцией как бесконечной причинностью, есть бесконечная и непрерывная цепь бытия. Человек, будучи вовлекаемым в эту цепь бытия, оказывается наделенным трансцендированием, влекущим его к познанию истины в силу того обстоятельства, что само человеческое существо в своей внутренней сущности рационально устроено. Причинно-действенный порядок явлений природы оказывается неотъемлемым от человеческого стремления к истине, то есть от присущего человеку трансцендирования. Причинно-действенный порядок субстанции или природы неотделим от идеи простого или рационального устройства, которое определяет достоверность познания и деятельности ума в созидании соответствующих ему объектов. Коль скоро разум оказывается исходной инстанцией суждения и оценки всего сущего, то он, тем самым, оказывается внутренне причастным субстанции как ее необходимый атрибут. Разум, вследствие этого, получает как бы полномочия от самой субстанции в познании всех ее модусов. В этой связи отметим известное положение Спинозы: *порядок и связь вещей есть тот же самый, что порядок и связь идей.*

Во втором параграфе — «Идея и модусы мышления» — подчеркивается тезис, присущий всей новоевропейской философии, который заключается в следующем: мы познаем природный порядок вещей при том условии, что мы в самих себе и в своем сознании схватываем ту познавательную операцию, с помощью которой мир постигается. Знание сущности исследуемого объекта опирается на внутреннее воспроизведение и постижение схемы представления предметности изучаемого объекта. В этой связи Спиноза разъяснял, что сущность круга дана и одновременно

постигается актом его вычерчивания. Разум, наделенный волей и способный все конструировать, производит такое знание, которое само себя основывает. Поскольку мышление познает себя как верховную инстанцию суждения, постольку бытие всего сущего раскрывается в сугубо рациональной структуре. Только такое знание, начиная с Ф. Бэкона, считается истинным, которое способствует возрастанию силы и могущества человека. Познание, вследствие этого, есть добродетель, а добродетель есть могущество. Но могущество, согласно Спинозе, — это прежде всего сама природа, действующая по своим законам и имеющая свои собственные силы. Природа как таковая оказывается бесконечным универсумом силы. Познание, постигающее природу, следует законам или силам самой природы. Идея тем самым обретает характер силы, способствующей совершенствованию самой человеческой природы. Вот почему познание есть добродетель, т. е. сама этика человеческого существования. Идеи или истинное познание позволяют постигать вещи в их необходимом порядке, в их основных действиях, исходной и окончательной причиной которых является субстанциальная природа или Бог. Чем отчетливей мы постигаем вещи, т. е. их идеи тем яснее раскрывается их истинная связь, тем более они представляются нам как действия *causa sui* или субстанции. Все это детально раскрывается в диссертации на основе текстуального анализа основных трактатов Спинозы.

В третьем параграфе — «Идея и вещь» — подчеркивается, что если человек живет в зависимости от тех или иных обстоятельств или вещей, имеющих преходящий характер, тогда он неизбежно оказывается обремененным так же преходящими страстями, коль скоро они возникают под воздействием сугубо внешних для него вещей. Внешние вещи, в отличии от идей, в которых выражается их сущность, производят в нас скорее печаль чем радость, поскольку страсти, направленные на обладание такими вещами, всегда безрадостны, ибо в любое время человек может лишиться желанных для него вещей. Эти вещи, будучи всегда лишь отдельными явлениями, нередко исключают друг друга. То, что мы желаем, мы считаем благом; тогда как то, от чего мы стремимся избавиться мы считаем злом. В силу привязанности к вещам благо в человеческой жизни оказывается всегда преходящим, а зло неизбежным. Радость всегда связана с согласием и гармонией человеческого существа в его соизмеримости с подлинными идеями всех вещей. Когда мы обременены стремлением овладеть внешними вещами, причем постоянно исчезающими, тогда радость

нашего существования невозможна. Вечная радость, которую Спиноза называет блаженством, и которая связана с постижением истинных идей, т. е. субстанциальной сущностью вещей, возможна только тогда, когда человек обретает согласие с непреходящей и вечной природой или субстанцией.

В четвертом параграфе – «Познание и активность интеллекта» — речь идет о видах познания и о постижении истины как таковой. Мыслиги субстанциально, согласно Спинозе, это значит мыслить с точки зрения вечности (*sub specie aeternitate*). Человеческое бытие есть только модус субстанции, но человеку доступно познание всех идей бытия в Боге как единой и единственной субстанции. Познание может быть истинным или ложным в соответствии с различием трех основных способов постижения истины: во-первых, мнение или воображение, т. е. познание через беспорядочный опыт, который, как правило, оказывается неадекватным; во-вторых, — познание через разум (*ratio*), имеющее истинный характер; в-третьих, интуитивное познание, которое благодаря присущей человеку способности к интеллектуальному созерцанию, открывает возможность, через причастность к атрибуту мышления, полного слияния с божественным. И это есть разумная любовь к Богу (*amor Dei intellectualis*). Этот способ познания есть познание с точки зрения вечности. Истина понимается как достоверность, поэтому всякая подлинная идея заключает в себе высшую достоверность. «В самом деле, — пишет Спиноза, — всякий, имеющий истинную идею, знает, что истинная идея заключает в себе величайшую достоверность, так как иметь истинную идею значит не что иное, как познавать известную вещь совершенным, т. е. наилучшим, образом, и никто, конечно не может сомневаться в этом, если только он не думает, что идея есть что-то немое наподобие рисунка на доске, а не модус мышления, именно само разумение... К этому надо прибавить, что душа наша, поскольку она правильно воспринимает вещи, составляет часть бесконечного разума Бога (по кор. Т. 11), и следовательно, необходимо, чтобы ясные и отчетливые идеи нашей души были бы так же истинны, как идеи Бога»¹.

Если в обычной жизни все наши действия определяются аффектами, то само стремление к истине, согласно Спинозе, должно быть основным желанием человеческого существа. Именно это стремление призвано

¹ Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 1. С 440 - 441.

определять все другие страсти и становится той природой человека, которая выражает себя в ясном и отчетливом познании. Основная сущность всех желаний заключается в стремлении к самосохранению, т. е. в воле сохранять и увеличивать свое могущество. Чем более мы способны что-либо истинно познавать, тем сильнее и могущественнее мы в нашем собственном существовании. Сама сущность человека, говорит Спиноза, выражается в желании. Оно есть такое стремление, в силу которого человек всегда желает сохранять свое собственное существование. Поскольку разум неотделим от природы, а природа каждого человеческого существа заключается в том, чтобы каждый любил самого себя и жаждал бы того, что делает его более совершенным и могущественным, то из всего этого следует максима: необходимо действовать по законам своей собственной природы, т. е. сохранять себя, достигать могущества и таким образом увековечивать себя в истине. Этика строится на воле к истине; сама же воля не простирается далее разума, поскольку познание способно иметь неисчерпаемое множество представлений, тогда как человеческая воля не может притязать на бесконечность как таковую. Коль скоро речь идет о понимании бытия-как-сознания, поскольку мыслящее Я уже в философии Декарта устанавливается как первореальность, то а силу всего этого там, где исчезает стремление к истинному знанию, там в конечном счете нет никакой воли. Неотчетливое и смутное знание, которое питается мнением или внешним сообщением, есть основное препятствие для проявления нашей собственной способности к суждению. Воля, не способная к самостоятельному суждению, лишена стремления предпринимать собственный поиск истины, потому что она не желает ничем рисковать, довольствуясь лишь разного рода мнениями. Воля есть способность что-либо утверждать или отрицать. Вот почему акт познания всегда включает в себя волю. Но поскольку познание связано прежде всего с разумом, то воля к истине как раз есть воля разума. Воля как стремление к истине и разум неотделимы друг от друга. Поэтому не столько могущество страстей, подчиняющих нашу волю есть рабство, сколько сила аффектов, препятствующих познанию истины. Люди могут быть совместимы между собой, когда они живут разумно. Только в разумной жизни, то есть в истине как таковой, возможны единство и гармония между людьми. Истинное знание и разум есть величайшая сила и величайшее благо человеческого бытия. Только разум-

ность всех радует и не вызывает ни в ком зависти. Если подлинное знание есть сила, а воля к такому знанию есть разум, то только через истинное познание, согласно Спинозе, пролегает путь к свободе и общности людей. Раскрыть связь между стремлением к истинному знанию в противовес всем другим человеческим аффектам — значит создать новую этику. Если стремление к истине будет могущественнее всех остальных человеческих страстей, если «бремя страстей человеческих» преодолевается радостным созерцанием природы как таковой т е Бога, то необходимым следствием этого как раз и является подлинная человеческая свобода. Всякие пассивные страдания выражают бессилие, поэтому в страдательных аффектах человек всегда в печали. Радость же есть прежде всего сила истинного знания и разума, поскольку только в истине осуществляется разумный миропорядок всего сущего. Все это детально рассматривается в этом параграфе диссертации.

В **заключении** подводятся основные итоги работы и намечаются дальнейшие перспективы исследования данной тематики.

Основные положения диссертации содержатся в следующих авторских публикациях:

1. Риторика и система знания // Человек-Философия-Гуманизм: тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса. В 7 томах. Том 7. Философия и проблема человека СПб., 1997. С. 82 – 84.
2. Историческое в философии // Метафизические исследования. Выпуск 3. История. СПб., 1997 С. 326 – 327.
3. Знание и текст // Метафизические исследования. Выпуск 4. Культура. СПб., 1997. С. 343 – 344.
4. Спиноза: пантеизм как система // Спиноза Б. Сочинения. В 2-х томах. СПб., 1999. Т. I. С. V – LXXV. (в соавторстве с Сергеевым К. А.)

Из фондов Российской национальной библиотеки

Подписано в печать 28.12.99 Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная Печать офсетная
Усл. печ. л. 0,93 Тираж 100 экз. Заказ № 438.

ЦОП типографии Изд-ва СПбГУ
199034, С-Петербург, наб. Макарова, 6.

A-2000
487

Из фондов Российской национальной библиотеки